

Законодательства РФ. – 2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921. – ISSN 1560-0580.

4 Российская Федерация. Законы. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон : [принят Гос. Думой 5 июля 1995 г.] // Собр. Законодательства РФ. – 14.08.1995. - № 33. – ст. 3349. - ISSN 1560-0580.

5 Российская Федерация. Приказ. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : [принят Генпрокуратурой России 15 февраля 2011 г.] // Законность. – 2011. - № 5. – ISSN 0132-1536.

6 Российская Федерация. Приказ. Об утверждении инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : [принят МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России 27 сентября 2013 г.] // Российская газета. – 13.12.2013. – № 282. – ISSN 1606-5484.

7 Российская Федерация. Постановление. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» : [принято Пленумом Верховного суда Российской Федерации 16 апреля

2013 г.] // Российская газета. – 24.04.2013. - № 89. - ISSN 1606-5484.

8 Елинский В.И. Проверка следователем результатов оперативно-розыскной деятельности на предмет их возможных фальсификаций и провокаций. – В.И. Елинский // Российский следователь. – 2018. - № 4. – С. 70-73. – ISSN 1812-3783.

9 Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // В.И. Зажицкий. – Юридический центр «Пресс». - 2006. – 449 с. - ISBN: 978-5-94201-659-3.

10 Исаенко В.Н. Допустимость доказательств, полученных при исследовании результатов оперативно-розыскной деятельности. – В.Н. Исаенко // Законность. – 2011. - № 1. – с. 30-34. – ISSN 0132-1536.

11 Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры // В. А. Лазарева. – М.: Юрайт. - 2018. - 263 с. - ISBN 978-5-534-07326-3.

12 Стельмах В.Ю. Некоторые проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности как доказательств по уголовным делам. – В.Ю. Стельмах // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2015. - № 3 (74). – С. 29-36. – ISSN 2312-3184.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Корнелик О.В.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Башкирского государственного университета
Россия, г. Уфа*

Сытдыкова А.И.

*студент
2 курс, кафедры теории государства и права
Башкирского государственного университета
Россия, г. Уфа*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос об уголовно-процессуальных функциях следователя. Раскрывается тезис о том, что позиция законодателя, предоставившего следователю единственную функцию обвинения, методологически не обоснована. Также в рамках исследования обосновывается, что следователь выполняет функции, обусловленные логикой стадий применения права.

ANNOTATION

The article deals with the issue of criminal procedural functions of the investigator. The thesis is revealed that the position of the legislator, who provided the investigator with the sole function of prosecution, is not methodologically justified. The research also proves that the investigator performs functions that are determined by the logic of the stages of application of law.

Ключевые слова: следователь, функции права, применение права, стадии, расследование, обвинение, правообеспечение.

Key words: investigator, functions of law, application of law, stages, investigation, prosecution, legal support.

Сегодня вопрос об уголовно-процессуальных функциях следователя является дискуссионным, поскольку функции следователя, как и его процессуальный статус в целом, выступают своеобразными индикаторами, показывающими

процессуальный облик предварительного следствия и, соответственно, «морфологию» уголовного судопроизводства.

Многие исследования были посвящены проблемам уголовно-процессуальных функций

следователей в науке уголовно-процессуального права. Среди них важное место принадлежит трудам самого выдающегося ученого нашего времени – С.А. Шейфера. Анализируя российский исторический опыт регулирования процессуальной деятельности следователя, теоретические и правовые основания ее самостоятельности, он остался убежденным сторонником того, что смысл процессуальной деятельности следователя заключается в «объективном и беспристрастном расследовании обстоятельств уголовного дела» [2, с. 51].

Также стоит отметить, что С.А. Шейфер в традициях российского уголовного процесса рассматривал следователя как исследователя обстоятельств преступного события, произошедшего в прошлом [2, с. 44]. В тезисе о том, что такое исследование должно быть объективным, вряд ли стоит видеть апологию инквизиторских принципов, поскольку утверждение о необходимости объективных выводов доказательной деятельности никоим образом не дискредитирует конкуренцию. Другое дело, что методы и средства доказывания на инквизиционной основе заслуженно осуждаются, поскольку они не ориентированы на презумпции, фикции и свидетельский иммунитет, которые, как правило, корректируют фактическое равенство сторон, по крайней мере, субъектов официального обвинения и обвиняемого, обеспечивая последнему благоприятное отношение. Такие состязательные условия доказывания в обычных процессуальных формах уголовного судопроизводства не отменяют необходимости объективного установления обстоятельств преступления. Однако, по мнению С. С.Телигисовой, в любой форме уголовного судопроизводства, включая упрощенные или примирительные процедуры, решаются вопросы факта и права, что определяет сущность правоохранительной деятельности публичных субъектов уголовного судопроизводства [4, с. 148]. Это объясняется логикой применения закона, которая характеризуется определенными этапами: установление фактической основы дела, установление правовой основы, вынесение исполнительного решения.

Именно логика стадий применения права (в общей теории права их более трех), а также сама правоприменительная деятельность должны служить платформой для методологического обоснования сущности и ряда функций следователя. Иными словами, ключ к решению вопроса о функциях следователя видится в необходимости применения норм уголовного права для разрешения уголовно-правовых коллизий.

Однако содержание ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ прямо не касается применения уголовного закона и всех форм реализации Уголовно-процессуального закона. Но это вытекает из определенных в нем приоритетов: защита прав и законных интересов лиц и организаций, ставших жертвами преступлений; защита личности от неправомерных

и необоснованных обвинений, обвинительных приговоров, ограничений ее прав и свобод [1].

Указанная цель (назначение) в рамках юрисдикционного правоприменительного процесса не может быть достигнута без применения норм уголовного права и уголовно-процессуального права посредством правоприменительной деятельности, требующей всех других форм реализации (соблюдения, исполнения, использования) не только уголовного процессуального права, но и конституционных норм, а в некоторых случаях и гражданского права. Для уголовного процесса применение, в первую очередь, норм уголовного права и уголовно-процессуального права является частью правоприменительной деятельности, которая носит процессуальный характер и оформляется в виде судебного производства. В рамках процедуры правоприменитель, а в исследуемом случае следователь, осуществляет исполнительные действия, которые, как считает М.Т.Аширбекова, варьируются в зависимости от этих стадий применения права: установление фактической основы дела, установление правовой основы, постановление об исполнении решения [5, с. 93]. Иными словами, каждая стадия наполняется правоохранительными действиями в уголовном судопроизводстве, представленными следователю в порядке, включающем расследование, принятие и разрешение процессуальных решений. В данном контексте важно отметить, что функция – это динамическое, основанное на деятельности понятие, характеризующее направление деятельности.

А.Н.Ромашко отмечает, что функция «имеет своим объектом известное действие... уточнение функций сводится к конкретизации того, какие действия относятся к положению тех или иных органов» [6, с. 34].

Так или иначе, функция предполагает действия, иначе ее содержание будет бессмысленным. Если говорить о правоприменительных действиях, направленных на установление фактических обстоятельств уголовного дела (а это и есть установление фактической основы спорного правоотношения как первого этапа применения закона), то для следователя они как бы ориентированы на реализацию функции расследования.

В то же время мы считаем, что следует исходить из того, что функция расследования не является единственной для следователя, поскольку применение закона не ограничивается установлением фактической основы дела. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: какую функцию выполняет следователь как сотрудник правоохранительных органов на последующих этапах, то есть при установлении правовой основы дела и при принятии собственно правоохранительного акта – процессуального решения? Если установление обстоятельств преступного события является доказательственной деятельностью (познавательной, а, следовательно,

следователь-исследователь), то, к примеру, квалификация вменяемого преступления – это мыслительная операция аксиологического характера. Оно материально выражается в процессуальных решениях, принимаемых следователем – решении о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном заключении. Эти правоохранные акты решают вопросы предъявления обвинения (решения о привлечении лица в качестве обвиняемого), а также обеспечения следователем обвинительного тезиса, выдвинутого в окончательном обвинении (обвинительном заключении).

В таком случае правоохранные действия, направленные на формирование обвинительных актов, следует понимать как осуществляемые в соответствии с функцией обвинения. В связи с этим представляется, что следователь, параллельно с функцией расследования, исходя из установленных фактических обстоятельств, осуществляет функцию обвинения, определяя правовую основу дела и издавая указанные акты обвинения. Очевидно, можно предположить, что эти процессуальные решения, «обналичивающие» правовую оценку установленных обстоятельств дела, венчают определенные правоприменительные циклы. Примером такого цикла является стадия уголовного судопроизводства от возбуждения уголовного дела до вынесения решения о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Реализация обвинительной функции достигается одной из целей уголовного судопроизводства – защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (пункт 1 части 1 статьи 6 УПК РФ). Однако пункт 2 части 1 статьи 6 УПК РФ говорит о другой цели – защите личности от незаконных и необоснованных обвинений, обвинительных приговоров, ограничений ее прав и свобод [1].

Казалось бы, нелогично требовать от следователя, который своими действиями способствует осуществлению функции обвинения в собственном производстве, защиты личности от незаконных и необоснованных обвинений. Но поскольку положения пункта 2 части 1 статьи 6 УПК РФ носят основополагающий характер, они распространяются на всех публичных субъектов уголовного судопроизводства. Кроме того, эти положения в отношении следователя становятся понятными, если исходить из первенства следственной функции, реализация которой может дать результаты в виде наличия обстоятельств, не являющихся основанием для уголовной ответственности. В связи с этим, возникает вопрос: «какую функцию выполняет следователь при прекращении уголовного преследования?». На наш взгляд, он выполняет поддерживающую функцию.

Эта функция, как и функция обвинения, воплощается в жизнь необходимостью дальнейшего следования этапам применения закона: установление правовой основы дела, принятие правоохранных решений. Эти две

стадии наполняются правоохранными действиями и решениями, которыми следователь прекращает уголовное преследование и, соответственно, обеспечивает защиту личности от незаконных и необоснованных обвинений в досудебном производстве.

Таким образом, прекращение уголовного преследования является также результатом правоприменительной деятельности, достигаемой посредством реализации следователем своей правоохранительной функции.

Эта функция также реализуется в целях защиты отдельных лиц от ограничений их прав и свобод. В то же время, мы считаем, что не имеет значения, кто именно представляет это лицо: это любое частное лицо, участвующее в уголовном судопроизводстве (обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и т. д.) [10, с. 150]. Однако начало реализации прав в интересах всех лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, не всегда строго связано с результатами расследования [9, с. 133]. Для того чтобы признать человека потерпевшим и обеспечить его имущественные права и интересы, необходимо исходить из фактических обстоятельств, установленных следствием. Но в других случаях результаты расследования могут не приниматься во внимание, например, при решении вопроса о предоставлении переводчика свидетелю, если он не говорит по-русски, для разъяснения права на апелляцию лицам, участвующим в деле и т.д. [8, с.127]. В целом функция обеспечения права затрагивается в правовых ситуациях, когда затрагиваются чисто процессуальные интересы лиц, участвующих в деле. Соответственно, формами реализации функции обеспечения права являются соблюдение, исполнение и использование норм уголовно-процессуального законодательства. Однако, как справедливо отмечает К.Т.Качабеков, в острых случаях уголовно-процессуального конфликта, например, при необходимости обращения к мерам процессуального принуждения, функция обеспечения права реализуется также через применение норм уголовно-процессуального закона [3, с. 147]. Правообеспечение – это универсальная функция, которая практикуется на протяжении всего уголовного процесса, а не только следователем.

Права и свободы человека имеют ценность только в том случае, если люди получают реальную возможность пользоваться ими в самых разных сферах общественной жизни. Возможность, заключенная в праве или свободе и очерченная нормами права, никогда не превратится в реальность без ее использования человеком [7, с. 373]. Широкий формат правообеспечительной функции, безусловно, обусловлен составительской организацией уголовного судопроизводства, предполагающей гуманистический подход к обеспечению прав и свобод человека и гражданина, подкрепленный нормами статьи 6 УПК РФ, принципами уголовного процесса и гарантиями

процессуальных прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд следующих выводов. Сущность и ряд уголовно – процессуальных функций следователя задаются логикой этапов применения закона (установление фактической основы дела, установление правовой основы, разрешение правоприменительного решения).

Уголовно-процессуальные функции, а также правоприменительные действия, обеспечивающие их выполнение, соответствуют целям этих этапов и, соответственно, различаются по своему характеру (виду). Это, как представляется, может быть методологическим обоснованием утверждению о том, что функция обвинения (уголовного преследования) далеко не единственная функция следователя: им реализуется также функция расследования и правообеспечительная функция.

Использованные источники:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.05.2020).
2. Шейфер С. А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. – 2011. – № 5. – С. 44-51.
3. Качабеков К. Т. Функции следователя в современном уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. – 2018. – № 48 (234). – С. 147-149.
4. Телигисова С.С. Уголовно-процессуальные функции следователя и их место в его деятельности // Вестник ОГУ. – 2011. – № 3 (122). – С.146-153.
5. Аширбекова М. Т. Соотношение уголовнопроцессуальных функций с этапами правоприменения и назначением уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4. – С. 90-95.
6. Ромашко А. Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном процессе // Новый юридический вестник. – 2019. – № 5 (12). – С. 34-37.
7. Лифанова М.В. Участие законного представителя как гарантия прав и свобод несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2020. – № 1. – С. 373-377.
8. Курманов М.М. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона при изменении меры пресечения, допущенные приговором суда и судом апелляционной инстанции // Правовое государство: теория и практика. 2018. – № 2 (52). – С. 125-130.
9. Ахмадуллин А.С. Концепция уголовно-правовой политики как условие эффективной защиты прав личности, общества и государства от преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2018. – № 3 (53). – С. 128-133.
10. Жабин И.Ю. К вопросу о соотношении понятий «потерпевший» и «объект преступления» // Правовое государство: теория и практика. 2019. – № 2 (56). – С. 150-156.